VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

Александр Константинович Белов (Селидор)
Воля и сила варвара. Статьи

«Статьи»: Internet;

Аннотация

В сборник вошли статьи А.И.Белова (Селидора) «Религия бойца», «Воля и сила варвара», «Время проводников», «Принцип неравенства», «Энергия перемещенного пространства», «Да, Скифы мы... но не азиаты».

Религия бойца

Наша газета не будет закрываться от всего многообразного и многоликого мира боевых искусств, ограничиваясь только каратэ-кёкусинкай. Мы не боимся и не избегаем поединка, ни дружеского знакомства с мастерами других стилей и направлений. Именно для этого у нас открывается сегодня новая рубрика «КЭМПО-КЛУБ» — своего рода свободная трибуна нашей газеты. Единственное условие для будущих членов, этого клуба — компетентность и признанное мастерство в своем виде единоборств.

Сегодня свои взгляды на жизнь представляет Александр Белов, воссоздающий многим уже известную славяно-горицкую борьбу

Кто-то сказал: «Не важно, было это ли нет — главное, мы хотим, чтобы это было, и значит, пусть оно будет!»

Этот принцип обкатывают сейчас многие команды «русского стиля», Многие, но не все. Славяно-горицкая борьба куда прагматичнее. Возникшая не на потребу дня и тем паче не ради коммерческой выгоды, воплощенной уже в экзотической новизне очередного всеобщего поветрия, она держится раз и навсегда избранного курса —Североевропейская модель движения, сознания, поединка. Изучение и практика. Остальное — попутные цели.

Однако славяно-горицкая борьба словно бы выпадает из норм бытия родственных боевых искусств. Почему? Она ищет свое измерение времени и не находит его. Кто-то живёт прошлым, кто-то — сегодняшним днем, кто-то опережает его, но мы не можем попасть в ощущение времени так, будто сочетаем две несоизмеримые плоскости бытия. Ведь у каждого время свое. Посмотрите на могучие дубовые стволы, испещренные бороздами столетий. Они смотрят на нас в тягучей медлительности своего размера жизни. А колесо нашей жизни крутится куда быстрее. Но если взять «братьев наших меньших», то их жизнь еще стремительнее нашей.

И ведь все мы, такие разные, проживаем один и тот же порядок вещей: расцвет, зрелость, упадок. И никто не способен изменить это правило.

Время. Часто у нас пытаются украсть прошлое, оболгать настоящее, очернить будущее. Сегодняшний день русских боевых искусств ещё только пробует свой голос в многоголосии мировой состязательной культуры. Будущее его пока лишено четких контуров, но зато прошлое!.. Прошлое не только не беднее, но в чем-то парадоксальнее и краше.

Типичное заблуждение, одурачивающее обывателя, — это поиск следов концептуального боевого искусства в прошлом на ХРИСТИАНСКОЙ ПОЧВЕ. Подвязывается здесь идея религиозных рыцарских орденов Европы. Просится параллель, но не находится, хотя идея свербит сознание.

Впрочем, от обывателя ускользает тот факт, что христианство для рыцарства лишь ширма, за которой — язычество. Показательны здесь тамплиеры, отказавшиеся от Иисуса и поклонявшиеся некоей неоязыческой сущности по имени Бапхамет. Если пристальнее взглянуть на тевтонов, то и здесь обнаружится, что их пангерманистской идеологии очень тесно в скорлупе интернационального христианства. Куда больше ей подходят образы Вотана, Донара, крылатых валькирий…

Идея воплощается в символике. Глобальная идея нуждается в эзотерической поддержке.

Ещё один пример —мальтийский орден, госпитальеры. Символ — так называемый «мальтийский крест» — стилизация громовного знака. Вполне осознанное отвержение христианской эзотерики — креста, как символа распятья. Духовное братство под языческой символикой!

Каждый боговерный христианин не менее трех раз в сутки становится неосознанно язычником. Но христианские духовные ордена — это язычество по сути. Почему?

Потому, что воинское духотворчество, созидание собственного духовного я путем истребления себе подобных — это перогатива богоизбранной касты воинов, освященной языческими дланями воинственных богов. И она, эта каста, тоже вне времени, вне размеченного им бытия.

Опубликовано в газете «Кёкусинкай каратэ в России», . №2, 1993г., стр.8

ВОЛЯ И СИЛА ВАРВАРА

Мы пришли. Мы уже здесь. Нас можно не замечать, не воспринимать, недооценивать, но мы есть. Нас можно преследовать по закону, запрещать, изгонять, единственное, что сделать невозможно — нас невозможно уничтожить. Мы и мертвыми возвращаемся. Чтобы властвующий деляга поперхнулся куском, отнятым у народа. Чтобы напомнить посланцам горных аулов, хозяйничающим на нашей земле, давно забытое ими чувство страха за собственную жизнь. Мы возвращаемся сознанием неуспокоенного теоретика, когда он берется за карандаш и выводит фразу: «Обществом должна править не сильная рука, а сплоченное множество здравых умов, честных сердец и твердых рук…» Мы возвращаемся тогда, когда голодным старикам уже не к кому обратиться с просьбой «Защити!» Тогда, когда политические дрязги загоняют общество в «войну всех против всех», отнимая у народа святое и неделимое единство по Отечеству.

Мы возвращаемся живыми под проклятия либералов, изводящих народ безнравственной свободой, в ненависти торгашей и менял, чьи душонки не стоят и погребальной молитвы. Мы возвращаемся, осознавая себя Воинами. Нас можно запретить, но нельзя уничтожить. Мы возвращаемся.

Они клянут нас за то, что наш социальный порядок воздвигается «ценою человека». Это их мнение. Можно было бы вообще не принимать его в расчет, находя в нем отпечаток их социального лицемерия. Но именно поэтому мы и не обойдем его стороной. Звучит-то как! Ценою человека! Так и хочется спросить: «Какого человека?» Кто тот человек, что становится неизбежной жертвой при наведении социального и нравственного порядка в обществе? Педераст, разложившийся наркоман, национальный предатель, клеветник на свой народ, умственно подвинутый сатанист, вагонный попрошайка, религиозный фанатик или «ясновидящий» плуг, аферист и вымогатель, прикрытый лозунгом свободы предпринимательства? Чья еще свобода зависит от либерализма общественных нравов и неорганизованности порядка?

Возможно, мы по-разному понимаем «свободу». Для нас не существует этого понятия вне нравственности. Мы настойчивы в том, что ублюдок не может быть свободным, что не существует равенства между честным человеком и подонком. Мы настойчивы в том, что свобода есть привилегия достойных. Нет, не избранных, а социально достойных. Вне всякого кивания на политическое или экономическое устройство общества, мы заявляем, что свобода является продуктом социального порядка. Она существует как форма отношения личности и общества, и если личность социальна, то ее интересы не вступают в противоречие с интересами общества. Если же личность антисоциальна, то она разлагает общество как болезнетворный микроб. Питательную среду для этого микроба создает культурный слой либеральной буржуазии.

Либерализм противоречит интересам общества, ибо делает его зависимым от собственной мягкотелости в отношении преступников, нравственных уродов и разложенцев. Что же такое «свобода» в собственном понимании этого слова? Свобода есть наиболее стабильная форма независимости в мыслях, суждениях и поступках. Однако мысли, суждения и поступки человека зависят и от его воспитания, и от его ума. Если нет ни того ни другого, остается

только отпущенная на волю животная стихия. Но именно о ее неприкосновенности так заботятся господа либералы, ибо нравственность в их среде понятие весьма призрачное. Мы же считаем свободу наивысшим нравственным поощрением человека. В буржуазном обществе свобода это диагноз. Посмотрите на эти исковерканные свободой физиономии. Попробуйте найти в них признаки здоровья, покоя и счастья. Да по ним можно изучать историю человеческих пороков. Особенно хороши сами мэтры буржуазности и западничества, не сходящие с телевизионных экранов. Здесь уже скрывается нечто зоологическое. Старик Дарвин и не подозревал, что отпущенная нравственность внесет такие поправки в его эволюцию видов.

Что же может сказать о свободе Воин, ведь подчиняемость особым нормам поведения является обязательным условием его социальности? Логично было бы предположить, что Воин в принципе не может быть независимым существом. Однако такой вывод не верен.

Для того чтобы его опровергнуть, вернемся к истокам нашей великой культуры. Ее основателем, носителем и проводником был варвар. Понятие это трактуется историками чрезвычайно однобоко. В их представлении варварство есть некий исторический период человеческой отсталости и дикости. То есть варвар — тот материал истории, который как бы отработала цивилизация. В действительности же варварство есть способ выживания.

Он распространяется как на отдельные личности, так и на тип общественной культуры, на общественную мораль и нравы, и совершенно не зависит от этапа исторического развития общества. Варвар живет и сегодня. Вместо чемодана этот бродяга пользуется дорожной сумкой или вещмешком, в содержимое которых входит только самое необходимое, Он предпочитает простую и здоровую пищу, он свободно себя чувствует на дикой природе, легко переносит дискомфорт и лишения своей бродяжьей жизни. Он их просто не замечает. Вот в чем его важнейшая особенность! Он инстинктивен, естествен, прост, и поэтому не переносит светские манеры или этикет аристократов. Его квартиру не украшает дорогая мебель, поскольку толк в вещах варвар видит в их простоте, надежности, постоянстве и долговечности. Он сам такой.

Варвары существуют либо поодиночке, либо небольшими общинами своих родов, семей. Род для варвара понятие священное. Организован род по принципу звериной стаи: младшие безоговорочно подчиняются старшим, а каждая ступень социального развития требует особой инициации, посвящения, превращенного в некое культовое действие. Причем, совершенно неважно, в какой варварской среде это происходит: у неутомимых романтиков-туристов или в боевом подразделении «краповых беретов». Авторитет старших здесь одинаково непререкаем. Это природная норма выживания. Уравнивание в правах старших и младших для варваров безнравственно, опасно и символизирует один из этапов разложения общества.

Однако история знает и другой тип общественной организации — демократический. Он создавался античными народами в условиях разрушения семейных общин и ликвидации зависимого от них общественного статуса человека. Демократия была нужна для того, чтобы преодолеть родовые противоречия между этнически разнящимися племенами, либо между сословиями. Она ниспровергла родовой паритет общества, создав такую организацию, которая не была предусмотрена Природой. При этом возобладал неизменный принцип демократии: «Каждый имеет право быть таким, какой он есть!» Этот принцип до сих пор отражает демократическое условие свободы. Однако, как и следовало ожидать, в его культе обнаружилось противоречивое лукавство. Каждый, да не каждый! Например, если педерастом при либеральной демократии быть фактически почетно, то фашистом быть никак нельзя. Не везде можно быть и коммунистом.

Российские радикальные демократы открыто призывают передавить всех коммунистов. Так что демократия — вещь весьма однобокая, а главное лживая.

Итак, перед нами два совершенно разных типа общества, соответственно два совершенно разных типа Армий, соответственно два совершенно разных типа Воина. Сравним их на примере галлов и римлян. Римская армия — это объединение чужих друг другу людей, не связанных никакими узами, кроме профессионального партнерства. Они различны с точки зрения происхождения, воспитания, развития, наследственности и еще много чего. Для того чтобы эта масса была функциональна, в военном деле нужна система их уравнивания, единообразия и строгой стандартизации. Так появился на свет легионер. Все его человеческое существо подломлено, переработано и подведено под систему стандарта. Он нормативен.

усреднен и не самостоятелен. Он сам по себе ничто.

Легионер — составной элемент такой Системы, такой Армии, где людей объединяет лишь более или менее отработанная общая идея вроде «нового мирового порядка», да абсолютное строевое равенство. Индивидуальных особенностей здесь не существует в принципе. Они всячески подавляются Системой, ибо здесь хорошо только то, что соответствует норме. Легионер не должен быть лучше этой нормы, иначе пострадает взаимодействие элементов Системы. По этой мысли воюет не человек, а Система. Здесь понятие старшего не является священным, поскольку оно достигается каждым равным вам по правам путем выслуги или особых привилегий. Старшинство здесь можно потерять за провинность или по уходу с военной службы. Однако, для того, чтобы данное понятие было безусловным, создается жесточайшая система подчинения, которая, в свою очередь, порождает культ воинских званий. Культ символа. Он закрывает глаза на достоинства человеческой личности, считая единственным достоинством исключительно само звание.

Обратите внимание на современную американскую армию. Она в точности соответствует данной характеристике. Со времен римских легионов ничего не изменилось.

Но не только демократии свойственна подобная социальная организация. В полной мере ее можно перенести на клятые демократами фашизм и коммунизм. Практически отпечатать трафаретом. Каждое слово в этом определении подходит под описание социальной типичности этих режимов. Фашизм и коммунизм представляют особый вид политического социума, созданный вовсе не варваром, а легионером. Варвару нет места в этих Системах.

Теперь рассмотрим военную организацию галлов. Основным боевым звеном здесь является родовая община. Она не столь многочисленна и потому особое значение придается индивидуальности каждого воина. Варвар-галл универсален и вместе с тем особо ценим именно как мастер своего собственного дела. Эти проявления его воинской индивидуальности могут быть не только не типичны для его противника, но и необъяснимы с точки зрения нормативной логики. Так появились берсерки. Люди в зверином обличье, охотящиеся за целым войском. У галлов существовали племена берсерков. Например, секваны, вызвавшие в 385 году до н.э. у римлян панический ужас. Подобное явление нельзя нормировать, нельзя поставить на поток, подчинить стандарту. Неслучайно, что в сознании галла военное дело являлось некой системой магических культов особой, боевой магии. В этой магии парило, с одной стороны, культовое подчинение иерархии коллектива, с другой — инстинкт самообязательного подвига. Этот подвиг повсеместно проявился в воинском духотворчестве варваров. Так, только герой попадал в Рай. У германцев — в Валхаллу, у русов — в Ирий, а у их исторических сородичей ариев — в Сваргу.

Трудно предположить, что демократическая организация вообще рассматривала индивидуальный подвиг в качестве элемента духовного совершенства. Во времена наполеоновских войн, например, легионерство столь преуспело в «демократизации» военного дела, что такие явления человеческой натуры, как героизм или трусость проявлялись в строгом соответствии с уставом (по уставу атаковать противника или отступать следовало только строем и только шагом).

Варварам не нужны были чины и звания. Родовые отношения и так все отрегулировали.

Итак, галлы использовали немногочисленные мобильные, прекрасно слаженные коллективы, где взаимодействие не было результатом палочной дисциплины, жесточайшего подавления своенравия и непокорности. Дисциплина для варвара есть норма существования и способ социального поведения, символ того места, которое варвар занимает в общественной иерархии.

Свободен ли варвар? Безусловно! Он свободен потому, что никем и ничем не принуждаем. Он выполняет ту социальную роль, для которой и был рожден. На эту роль не назначают, не нанимают, с нее не увольняют за провинности. Никто лучше него самого не справится с этой ролью. Вот почему варвару не нужна специальная система принуждения или подчинения, изменяющая его социальный облик. Вот почему варвар свободен. Его свобода социальна, тогда как свобода демократа антисоциальна.

Свободен ли легионер? Никоим образом! Легионерство есть форма социального принуждения, и эта форма тем более жестока, чем «демократичнее» общество.

Легионарную структуру можно вне всякой политической позы считать западной. Легиопарность и западничество — суть одно. Пресловутый немецкий порядок есть следствие того обращения варвара в легионера Священной Римской Империи, которое началось еще при Карле Великом. Чего достиг немец-легионер? Ровным счетом ничего. В отличие от него немец-варвар завоевал и подчинил себе Великий Рим. То есть обломал целую цивилизацию.

Гитлеровское легионерство расшибло себе лоб о русское варварство. Фашизм — одна из наиболее ярких форм легаонарности. Он не выдержал столкновения с варваром. Чем ему проигрывал социал-большевизм? Попыткой загримировать миллионы варваров под образ коммунистических легионеров. Все те же стройные ряды, общеподобные фигуры, абсолютное равенство. Обратите внимание на солдата Вермахта (уж об эсэсовце и речь не идет!) и на красноармейца. Их внешняя разница сопоставима с различием римского легионера и варвара-галла. Чем выиграл социал-большевизм у легионарного фашизма? Варварством! Выполнением того, что с точки зрения легионера сделать невозможно. Той человеческой живучестью, стойкостью и выносливостью, которые не сочетаются с легионарными нормами поведения.

Так кто же мы, и какой образ нам следует культивировать? Ответ очевиден.

Легионарность много раз приходила на Русь и всегда вязла в нашем природном варварстве. Первую попытку предпринял Владимир — креститель. Не получилось. Убивая веру отцов, он не осилил варвара в своем народе. Третий Рим оказался насмешкой над первыми двумя. «Небесный Иерусалим», «Оплот царства Божия на земле» не много стоил. Он утонул в ядреной закваске дремучей души народа. «Дорога к Храму» не стала судьбой варвара. Да и сам он не стал крестоносцем.

Больше преуспел Петр Великий и хлынувшие в Россию благодаря его реформам немцы. Все эти бироны, листоки, голштейнские принцы и гессен-дармшгадгские принцессы. Общество разделилось на «просвещенную», то есть прозападную часть, и «непросвещенную», дремучую, почвенную, народную часть. Россия стала жить как бы по-европейски. У нас даже образовалось двойное столичье: Петербург — западная столица, и Москва — своя, варварская. Русская армия сделалась легионарной. Правда, всегда, в самые решительные минуты сражений, кто-то вдруг вспоминал о «русском» солдате, о том солдате, что отличался от уже привычного европейского типа, о «чудо-богатыре». На этом отличии и выезжали, когда не хватало легионарности.

Потом были большевики с их смешением варварской сути и легионарной формы социального мышления. И снова вывозил варвар. И тогда, когда строили Днепрогэс, и тогда, когда били немца под Москвой. Варвар всегда вывозил Россию.

Но «варвар» — понятие не стихийное, не символическое или условно-нарицательное. Варварство не только продукт беспощадной эпохи, не только форма исторического самосохранения русской нации, ни и ее национальная идея.

Что есть такого в варварстве, отчего бы мы были менее цивилизованны, чем Западная Европа? Экономическая отсталость, нравственное убожество, интеллектуальный провал? Чушь! Это наша экономика создавала скачковый перевес в вооружении в ходе Великой Отечественной войны, поднимала космические программы и содержала полмира нахлебников в лице коммунистических движений. Это наша нравственность создала великую русскую культуру и историческое величие русского человека, отдававшего свою жизнь то за беспомощных болгар, то за китайцев, терзаемых самураями. Это наш интеллект создавал лучшие в мире военные технологии, сделал половину всех мировых открытий в современной науке.

Чего же еще? Уровень жизни! Да, это — притча во языцех. Уровень жизни человека, заставляющий его однозначно и категорично оценивать достоинство государственного устройства. Но ведь уровень жизни варвара вовсе не обязывает его нищенствовать. Пониженная требовательность к быту есть результат не его дикости, а его свободы и выносливости, независимости от опеки цивилизации в том вопросе, который принято называть выживанием.

Разве сам народ отрекся от имуществеиного накопления и достатка? Его принудила к этому политическая система. Коммунизм — социальная религия бедных. Некий элемент психологии убожества. Бедность — это приговор, который вынесли коммунисты своему народу. Обогащение Системы за счет человека. Разве это не идеал легионарности? Коммунальные квартиры, очереди за дефицитом, охота за «нетрудовыми», то есть лишними

доходами, «железный занавес», чтобы не видели, как живет весь другой мир, — вот коммунистическое проклятье русскому народу. Вот причина, по которой мы прокляты всеми, кто вкусил того же по нашей воле. Но разве коммунизм — русская идея? Может следует напомнить, кто его придумал? И кто организовал здесь революцию в 1917-ом году?

Нет, варвару не нужны пришлые учителя. И время уже не поглотит варвара. Это мы поглощаем время, изменяясь ровно настолько, чтобы не проиграть ему в главном — в возможности выжить и сохраниться. Выжить и держать за горло цивилизацию западных легионеров.

Так было, и так будет. Мы создадим новых технократических гениев в себе самих, как создавали раньше. Мы низвергнем саму логику западных аналитиков до полной беспомощности. Мы подчиним наших противников своей воле и силе.

ВРЕМЯ ПРОВОДНИКОВ.

«Без царя в голове», — говорят о человеке неорганизованном и сумасбродном. Без царя потому, что без идеи. Зачем человеку идея? Вероятно, за тем, чтобы чего-то достичь в жизни, ведь идея и есть наиболее рациональный и умственно организованный способ понимания того, чего ты хочешь. Однако, любое умственное достижение останется иллюзией, если вы и шагу не ступите к самоизменению, если вы, понимая чего хотите от жизни, останетесь в ней стоять на месте.

Нас иногда упрекают в том, что мы не можем организовать всеохватную работу на местах. Говорят это те, кто не видит чёткого различия между Действием, Целеполаганием и Организацией Действия и Целеполагания.

Организация работы должна, по меньшей мере. опираться на ясное понимание того, что именно следует организовывать, какую такую работу. Сегодня — время целеполагания, время построения своих взглядов на мироустройство, социальную справедливость, на вопросы управления Государством. Создаётся духовный базис Действия. Того, кто это не понимает, следует призвать к терпению или отпустить с богом за занавес партийно-политического спектакля. Каждый, кто осознаёт цели Новой Традиции, не станет тратить свою инициативность на политические пикеты, митинги или иные акции протеста. Кому они нужны?

Кого они трогают, кроме самих демонстрантов? К этим действиям все давно привыкли, власти не обращают на них внимания, а основная масса народа воспринимает их с меньшим интересом, чем изменение погоды.

Действие Новой Традиции ещё не вызрело. Его идея создаёт критическую массу к своему прорыву. В нашей кузнице сейчас закаливается булат. Наши сердца сейчас наливаются сталью. Это заставляет нас сконцентрироваться на внутренних процессах, выкинуть из головы пропагандистику и усилия популяризировать идею Воинского сословия. Популярной может быть только идея снижения цены на водку. Воинское сословие сейчас не нужно никому.

Оно не нужно военнослужащему потому что он не Воин. Оно не нужно воину, потому что он ещё не понимает, что это такое. Оно не нужно народу, потому, что одна его часть стремится вернуть старый порядок, другой его части нужно только собственное обогащение и ничего больше, а третьи попросту боятся милитаризации, считая её прямой дорогой к войне. Так кого мы выберем для популяризирования своих идей?

Выброс нашей социальной энергии — только дело времени. Это будет тогда, когда неистовые и неудержимые отринут от Источника, чтобы создать тотальную систему, чтобы наше триединство подчинило себе судьбу всех и каждого.

Сегодня— время проводников. Сегодня тот кто с нами, должен войти в пространство Источника и занять там своё собственное место. Сегодня мы никому не насаждаем обязанности. Каждый имеет Правник и Поручье, и они должны являться вектором вашей инициативы, социальной и политической совести.

ПРИНЦИП НЕРАВЕНСТВА

Левацкая убеждённость, что все люди равны, достойна умиления. За свою наивность. Равенство вообще можно считать одной из самых вульгарных идей теоретиков, ибо представление о нём опирается на примитивно — животный расчёт: если все имеют внешнее сходство — значит все равны.

Общинность сразу же опровергла эти выводы, наделив человека родовыми и национальными особенностями. Равенству приходится бороться с этими особенностями всеми вообразимыми и невообразимыми способами. Например, внушая человечеству некие «гуманитарные» ценности или мировое пролетарское единство. Реально не существует ни того, ни другого. В мире сложились разные формы цивилизации. То, что хорошо или плохо с точки зрения одной из них — диалектически обосновано по существу другой. Левые, как и демократы этого никогда не признают. Гуманитарные ценности западников — только лозунг их мирового деспотизма. С этим согласятся и левые, но они не признают преимущество националитета перед возможностями пресловутого интернационализма.

Право различия человеческих общин — главное завоевание мировой истории. За всё время её существования выработалось только три способа вовлечения человеческой популяции в демографический механизм мировых цивилизаций.

Первый — насильственный. Типичен для античных империй, мировых тираний и современной западной демократии. Его особенность в том, что вовлекаемый народ принуждается к вхождению в «Империю» на вторых ролях, вопреки собственным интересам и собственному историческому развитию. Причём объективной необходимости для его втягивания в ареал данной цивилизации не существует.

Второй способ — оправданный. Его особенность в том, что интеграция с «Империей» жизненно необходима народу, именно как возможность самосохраниться, пережить национальный кри-зис и усилить свою физическую жизнеспособность формами коллективной ответственности и жизнестойкости. Этот пример известен в нашей истории организацией варяго — русами Древнерусского государства.

Третий способ — биологический. Он выражен в ассимиляции, поглощении народа — Империей» и в захвате его исторической территории другим народом. Славянская история знает, к примеру, две попытки онемечивания славян — русов. Первая осуществлённая. Благодаря ей перестали существовать многочисленные славянские народы Южной Балтики и Полабья. Вторая — неосуществлённая. Ей помешала победа советского народа над фашистской Германией.

Таким образом, наш народ столкнулся со всеми способами вовлечения его в ареал строящихся цивилизаций.

Неравенство принято отождествлять с поражением кого-либо в правах. Почему? Существование есть совокупность процессов бытия, где каждому отводится только та роль, которую он может освоить и самовоплотить. Многообразие этих воплощений позволяет человеку пребывать в наиболее удобной для себя форме существования. Человек не равен человеку уже потому, что он является носителем собственного генетического кода, то есть того символа индивидуальности, который делает уникальным его биологический облик.

Человека нельзя осуждать только за то, что он не такой, как ты. Человека не нужно перекраивать по собственному шаблону, ибо его жизненный тип может быть только результатом свободного, как инстинктивного, так и сознательного выбора.

Вопрос стоит не в унификации различий, а в управлении ими. В создании порядка такого управления. Природа являет нам подобный порядок. Он облачён во взаимозависимость существования видов друг от друга. В человеческом обществе эта зависимость социальна.

Социальность и есть тот механизм, который ограничивает число различий по принципу их общественной необходимости. Социальное — значит общественно нужное. Всё, что за рамка ми социального должно быть отторжимо обществом, как бесполезный балласт. В ситуациях национального кризиса, когда откровенная погань стремится занять место социально узаконенного явления, вопрос её отторжения становится условием выживания такого общества. Нравственный упадок общества выражается не в самом факте существования этих явлений, и уж тем более не в его агрессивности к ним, а напротив, в по пытке создать им социальную адаптацию и нравственное оправдание. В этом вопросе Природа ещё раз показала

превосходство своей мудрости над умом человека. Выброшенная ею ВИЧ-инфекция стала ВИЧ — возмездием тому типу нравственности, который заражён либеральными ценностями.

Неравенство — способ существования живых существ в Природе. Неравенство— условие построения наиболее совершенного человеческого бытия. Примитивизм идеологии народного бунта, требующий всеобщего равенства, всегда удовлетворяется потоками крови. Французская революция, с её «свободой, равенством и братством» уравняла французов гильотиной. Русская революция уравняла русских сталинскими лагерями. Равенство всегда опирается на топор.

Провозглашаемые единства — только возбудители общественных столкновений, если они не предусматривают внутреннего существования человеческих различий. Русское Ѷоинское сословие, продекларировав: «Каждый равен каждому, все равны всем, каждый равен всем!»— рыцарское равенство по достоинству, предусмотрело, что само воическое сообщество разделяется, по меньшей мере, на три части: на проводников, на проходчиков и на сводных. Эти различия — тот пример взаимозависимости, который и обеспечивает выполнение стоящих перед сословием задач.

ЭНЕРГИЯ ПЕРЕМЕЩЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

В последнее время принято распинать идейное скудоумие политиков. Они типичны и идейно бесперспективны. Об этом уже много говорилось. Однако не только умственный кризис сегодня разъедает сферу политической интриги. Вполне очевиден и другой её провал. Речь идёт о политическом безволии, о полном истощении способности действовать.

На первый взгляд, исключение этому составляют коммунисты. Их манифестации многотысячны, а манифестанты наиболее организованны. Но политическая воля коммунистов — не более чем иллюзия. Того социального кошмара, в который повержена Россия, хватило бы уже не на одну революцию, если бы у такой революции существовали реальные движущие силы, движущие инстинкты и направленная воля. Ничего этого нет.

Когда-то жалкие кучки социал-демократов и социал-революционеров свалили в консервативной, патриархальной России её многовековую монархию. Более того, они подавили вообще какое бы то ни было социально-политическое сопротивление, деклассировав, практически уничтожив имущественный, то есть наиболее сильный и могущественный слой населения. Ему не помогло ничто. Ни деньги, ни власть. Хорошее напоминание для нынешней новой буржуазии.

Сегодня же ни одна акция левых не способна пошатнуть трон. Почему? По-тому, что пенсионеры не могут возводить баррикады и идти под пули. Каждому делу свойственен свой физический возраст. А средний возраст коммунистического контингента — уже отпечаток брежневской эпохи. Тогда партийность была привилегией. Брежневский стиль коммунистичности проявляется сейчас в том, что в России есть коммунисты, но нет революционеров. Есть даже радикальные, ультралевые коммунисты, но и они скорее хулиганы, чем революционеры.

Коммунист — это тип политического мышления, сознания и поведения. Он подвержен изменениям, как любой другой политический репрезентант.

Никакой собственной заслуги в создании данного политического типа нынешнее руководство коммунистов не имеет. Он создавался частично ленинской формацией, частично сталинской, частично брежневской, каждая из которых воплотилась в собственную модель. Однако, не имея заслуг, руководство сегодняшних коммунистов имеет безусловную провинность в том, что не способно сформировать новый коммунистический типаж, отражающий историческую реальность и загруженный способностями к определённому политическому действию, то есть к революционной борьбе. Провинность, разумеется, с точки зрения левой логики.

Приведённый пример показывает, что даже наиболее организованная политическая сила сегодняшнего дня — не более, чем статичная масса, с откровенно бездумными желаниями и совершенно бесполезными делами.

Поступок — вот величайший символ жизнеспособности! Продвижение вперёд немыслимо без поступка. Но поступок — только результат взаимообращения духа и воли. Мы говорим, что

мы правы потому, что мы непобедимы. Нас можно уничтожить, но победить — никогда! Но в магию этой истины посвящены единицы. Большинство испытывает подавленность политических желаний и страх действия. Они ещё могут как-то заигрывать с Источником, вяло ему поддакивая, но они жизненно опустошены собственной пассивностью.

Энергия воплощена в великих. Никакое равенство по чести и достоинству не может нарушить этот принцип. Только энергия— самое магическое из всех свойств личности и самое недоступное для подавленных примитивов. Энергия открывает Источники, воплощаясь в избранную персону и возводит её на исторический пьедестал. Энергия, проводи мая этой или другой такой персоной, заряжает массы, создавая тотальные силы нового духовного строя.

С полной уверенностью я могу сегодня сказать, что в разработку системы воплотился мощный энергетический источник. Его действие практически направляет её духовную активность.

Энергия никогда не берётся из пустоты. Её возбудитель— глобальная биологическая система, находящаяся в состоянии мощнейшего возбуждения и активности. Такой системой является человеческое общество на подъёме его творческой воли и при всеобщем прорыве развития.

Мы только предвестники этой системы, носители её яростного заряда. Мы призваны прорвать критическое напряжение момента, открыв путь новому духовному строю. В обществе духовной ущербности и упадничества мы призваны провести горячую духотерапию. Способность к этому— вот главный показатель воического достоинства.

Мы много говорим о соответствии своему социальному и историческому назначению, о собственном достоинстве, уже осознанном нами и узаконенном Поручьем, но мы совершенно забываем, что есть ещё одна степень достоинства — инициативность, то есть одухотворённость действием, которая и отражает подлинную цену каждого из нас.

Живя в то время, когда никто не хочет жертвовать собой, трудно рассчитывать на доказательства самоотрешения. Каждый волен свернуть, поменять своё идейное увлечение.

Синдром усталости от постоянства. Такова нравственная оболочка времени. Она подменяет действие видимостью действия, участие — видимостью участия, а совесть — видимостью совести. Почему это так?

Потому, что нам ещё только предстоит создать свой собственный духовный тип, символ того духовного строя, что воплотил в нас энергию исторического прорыва. Милитарность — его позывной, милитарность — свойство нашей натуры, Милитарность — система нравственных действий Воина.

Вне наступления для нас нет нравственной истины. Мы наступаем. Мы наступаем на этот строй идейного упадка и пораженчества.

Наше наступление — это расширение жизненного пространства милитарной системы. Торгашеский мир всё время внушает нам своё идейное уравнение: действие = деньги. Но мы настойчивы в собственном, сословном понимании парности понятия «действие».

Действие-символ Источника. Только в этом случае оно является ритуалом Великой энергетической лавины грядущего.

Расширение жизненного пространства милитарной системы строится по предельно уплотнённому триглаву;

ЭКОНОМИКА — КУЛЬТУРА — ПОЛИТИКА. Его сферой действия должна стать вся территория распространения воинской аутентичной сословности, а принципом — полная взаимосвязь всех и каждого. Только в этом случае можно говорить о существовании системы, а, стало быть, и о существовании милитарного пространства. Взаимосвязь экономики, культуры и политики должна строиться в системе отношений, исключающей деньги как принципиальный показатель успеха. Иначе экономическая сфера всегда выйдет на приоритетное место, и всё превратится в обычную предпринимательскую практику.

В этом триглаве, составляющем нашу реальную жизненную оболочку, должен действовать другой эквивалент результата. Он призван уравнять творческие усилия и их материальное воплощение у всех бойцов милитарного пространства, показав равноценность действия по Источнику. Проработкой этого показателя и введением его в систему расчёта должны заняться наши проводники. От оперативности их усилий сейчас зависит осуществление

проекта, а, стало быть, и реальное жизненное положение каждого из нас.

Да, мир живёт в системе вульгарных потребительских истин. Сделать нравственный прорыв в сферу иных отношений — не только наша задача, это— условие существования нашей духовной сути. Сегодня, когда приходится быть благодарным за человеческую порядочность и честность, то есть за самые естественные и нормальные качества, трудно предполагать, что отказничество от накопления, нестяжательство, вдохновит толпы общественно неприкаянных индивидуумов и приведёт их в систему. Нет, её делают другие. Обладающие тем, что непокупаемо, тем, что никаким образом не контролируется товарно-денежными отношениями — обладающие энергией перемещённого пространства.

Нет необходимости доказывать, что эта энергия влияет не только на событийный ряд отдельно взятой судьбы, но и на происходящее с другими. И всё-таки её цель — действие.

Действие как символ глобальной духовной системы, уже разворачивающейся в грядущем историческом пространстве России.

Да, Скифы мы... но не азиаты

Распад арийского этнокультурного единства, захвативший не одно тысячелетие, явился основным фактором становления и развития великих материальных культур древности и генератором развития общественно-этнических отношений. Однако из этого вовсе не следует, что археологическая и лингвистическая трансформация общества обуславливала распад этносферы ариев. По высказыванию Ю.В.Бромлея, «в условиях раннеклассовых отношений переселения часто сопровождались интенсивными этногенетическими процессами. При этом такие процессы, как правило, имели объединительный характер. Более того, начальной точкой формирования новой этнической общности в результате переселений обычно выступал не столько сам момент миграции этнической общности или отделения переселяющейся этнической группы от „материнского этноса“, сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонными этническими единицами начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты». Состав скифской народности, впервые упоминающейся в анналах Асархаддона VII в. до н.э. и оставившей материальную культуру периода того же VII века до н.э., формировали две генетические ветви, представленные срубной культурой Поволжья (автохтонный элемент) и т.н. андроновцами (миграционный элемент). Игнорирование андроновского участия в скифской народности спровоцировало возникновение расхожего заблуждения об азиатских отклонениях скифской антропометрии. Часть исследователей опускала упоминание андроновского ариотипа, настойчиво помещая родовое гнездо скифов в глубинные районы Азии, следуя за «классической» версией Геродота. Несостоятельность версии антропометрического «азиатства» скифов заключена в том, что в Средней Азии не выявлено элементов скифской культуры, а на Памире и на Иранском нагорье в тот же период жили чистые европеоиды, характеризующиеся комплексом признаков долихоцефалов, но отличающихся от скифских краниологической серией (Г. Дебец). Кроме того, и данные лингвистики, согласно Э.А.Грантовскому, «не позволяют искать родину скифов в Центральной Азии, на западе Восточного Туркестана и в соседних районах Казахстана и Средней Азии». Данные античной традиции позволяют ему смело помещать ядро формирующейся скифской этнокультуры в район между Волгой и Аральским морем. По мнению В.П.Алексеева население Минусинской котловины в эпоху бронзы целиком составляли европеоиды. Доминировали они и в Монголии. При выяснении условий арийского расселения, указанные обстоятельства особенно важны, ибо часть исследователей стремятся их не замечать. Локализованная в Поволжье исходная территория, общность позднеарийских народов (срубная культура), к которым относятся скифы, не позволяет принимать теории азиатской, и уж тем паче индийской, прародины ариев. В долине Инда европеоиды появились не ранее III тысячелетия до н.э., тогда как данные палеогеографии, палеоботаники и климатических исследований Средней полосы датируют их присутствие в этой зоне ледниковым периодом — то есть, началом голоцена (около 15 тысяч лет назад). В 1964 году в двухстах километрах к северо-востоку от Москвы были обнаружены захоронения давностью в 23 тысячи лет, известные теперь как «Сунгирская стоянка». Один из двух сохранившихся скелетов

принадлежал пятидесятилетнему мужчине европеоидного типа. Во всяком случае, наблюдалось явное отличие от, например, гримальдийской расовой ветви того же периода, в которой позднее проявились негроиды (погребение близ Ментоны), а также от монголоидов палеолитических поселений таких, как Мальта и Буреть близ Иркутска — современников «сунгирского человека». Археологов поразило также присутствие следов социальной иерархии и жизненной обустроенности, наличие предметов развитой материальной культуры. Об этнотипичности сунгирского человека официальная наука предпочитает не распространяться и по сей день. Один из виднейших специалистов в области иранской лингвистики В.И.Абаев пишет: «В течение долгого времени я разделял широко распространённое мнение, что прародину иранцев следует искать в Средней Азии, а появление ираноязычного элемента на юге России нужно связывать с известным рассказом Геродота о вторжении скифов из Азии и относить к VII веку до н.э. Эта концепция теперь сильно пошатнулась... Второе тысячелетие до н.э. представляется terminus ante quern для пребывания северо-иранских племён в Юго-Восточной Европе». Утверждается, что у гипотезы восточно-европейского происхождения иранцев достаточно подтверждений. Указанные факты и авторитетные мнения позволяют связать воедино антропологию; гипотезы об историческом и географическом происхождении совокупного генетического материала скифов; исследования в области развития языка и интеллекта; данные о развитии материальной культуры. Таким образом мы можем зафиксировать обоснованность «северной гипотезы» происхождения скифов. Образовав в пространстве современной среднероссийской полосы свое расовое ядро, они сбрасывали изростки популяции в бескрайние просторы Евразии. Так миграционное размывание обуславливало «эффект основателя» — воспроизводство доминирующего расового признака при появлении мутаций, вызванных кровосмесительными контактами местного населения и мигрантов. «Эффект основателя» испытывал устойчивость отношения доминантных и рецессивных признаков к расово-видовому отличию. (Отношение различных форм одного и того же гена, сосредоточенные в одинаковых участках гомологичных хромосом, при которых эти отношения не облажают влиянием на соответствующие признаки особи.) Вполне определённо можно утверждать, что наименьшие отклонения от «расового эталона» могли наблюдаться в непосредственной близости к локусу расового ядра. Вот почему скифский тип мы рассматриваем в качестве референтной модели всего поволжского ядра арийской типичности. Основания для этого дают авторитетные высказывания А.А.Формозова: «Для нас интересен вывод Г.Ф.Дебеца и В.В.Бунака об очень большой устойчивости антропологических типов в пределах европейской части СССР, устойчивости, гораздо большей, чем в Западной Европе. Это согласуется с наблюдениями археологов об устойчивости культурных областей каменного века на той же территории». Устойчивость, о которой идёт речь, обуславливается стабильностью и воспроизводством этногенетической матрицы в рамках поволжского массива срубной культуры. Под влиянием сильного патогенного воздействия, когда часть структур организма гибнет, немедленно усиливается их репродукция и необходимое их число быстро восстанавливается в результате репаративной регенерации. То есть, в «эффекте основателя» мы наблюдаем функцию восстановления доминирующего (базового) расового признака в аспекте клеточной регенерации. Этот эффект прекрасно изучен медицинской наукой, которая также приходит к выводам об обусловленности функций организма его структурой. По мнению специалиста в проблемах структурных основ адаптации Д.С.Саркисова, «принцип единства структуры организма (антропометрия) и функций, бывший до этого скорее теоретическим, чем практически ощутимым, теперь получил чёткое фактическое обоснование». Согласуясь с тезисом Х.Мюллера, что «раса есть групповой опыт», рассмотрим с этой точки зрения скифские антропометрические пропорции, которые сформировали современный облик русского человека. Данные исследований погребальных комплексов катакомбного типа (Краснознаменский курган, Алексеевский курган, Мамайский курган) и более ранних могильников смешанного скифо-киммерийского типа (Султагорский могильник, «Высокая Могила» и др.) позволяют говорить об однородности антропометрических компонентов, в отличие, например, от погребений сарматского этапа, где антропологический состав колебался от андроновских до памиро-ферганских образцов. В скифских погребениях мы наблюдаем европеоида с большой, гармонично вылепленной черепной коробкой; прямым лбом без

деформации лобного бугра и наклона лба назад, в пропорции почти равной половине лица, с невыраженной мезогнатией (передняя носовая ось расположена глубже плоскости передних зубов), и характерной ортоградностью; с достаточно узкой носовой щелью и без компонентообразующей ортохейлии. Височная линия скифского краниотипа подчёркивает плоскость от теменного бугра до дна височной впадины. Луночковый край относительно узкий. Реконструкция облика нашего древнего предка вскрывает весьма любопытный и весьма показательный элемент общеарийского типа. У скифа, как и у его предшественников, миндалевидно заужена глазная щель. Это вовсе не монголоидный признак, ибо здесь отсутствует эпикантус (монгольская складка) и глазная щель поставлена прямо. Кроме того у монголоидных серий иное отношение внутреннего и внешнего глазничного угла. Скифский антропологический тип значительно старше многих археологических культур и приближает нас к сунгирскому человеку. Интересно, что миндалевидный глаз стал культовым признаком правителей в Древнем Египте и Месопотамии, что вполне соотносимо с ранними формами альбинократии и подтверждает гипотезу арийского влияния на культуру раннего Шумера в период древнейшей миграции арийцев. Та же форма глаза стилизованно отражена и в облике жреца на статуэтке, ставшей главным символом культуры Мохенджо-Даро. Характерным для облика скифа является его довольно массивный нос. Принято считать риноморфный (носовой) признак чисто адаптационным. Тканевая массивность большого парного хряща крыльев носа как бы обусловлена необходимостью использования соответствующего количества кровеносных сосудов этим органом в условиях холодных зим: отрицательные температуры Поволжско-Уральского региона доходят до отметки в -45. Правда адаптационная теория не может объяснить отсутствие у скифов подкожной жировой прослойки, типичной, например, для монголоидов. У нас есть основания сомневаться в концептуальном положении, что расовые особенности — не более чем адаптационный признак. Конструктивный признак большого парного хряща крыльев носа и угол носовых косточек является отличительным риноморфным расовым показателем. Эти элементы, наряду с формой носовых перегородок, отличают скифский нос от семитско-иберийских серий, где «фирменным знаком» является чётко выраженный внутренний угол большого парного хряща к фильтру рта. Реконструкция черепа не позволяет воспроизвести цветность глаз скифа. Тем не менее, мы можем опереться на исследования виднейшего учёного-ирридодиагноста академика Вельховера, установившего удивительную особенность радужки показывать предрасположенность к так называемым «социальным» болезням: туберкулёзу, наркомании, гонорее и т.п. — то есть, к «болезням нравов». Этот вывод свидетельствует и об обратной стороне явления — о факторе устойчивой генной изоляции подобных мутационных процессов в среде, не склонной к гонорее и прочим последствиям упадка и сопутствующим «шалостям». Расовая обусловленность социальных процессов должна приводить нас к мысли о том, что цветность глаз нашего предка может быть выявлена в дальнейших исследованиях. Мы не можем принять холличеровскую идею, гласящую что «расовые особенности — не состояние, а процесс». Для нас предпочтительнее мнение американского учёного Ричарда Левонтина: «Поиски причин различий, существующие между людьми в их приспособлении к окружающей среде, остаются, в сущности, лишь милым развлечением, свидетельствующим о богатстве воображения рассказчика». Анализируя возможные приспособительные черты, Левонтин обращает внимание на факт того, что пигментация волос и глаз у американских индейцев примерно одинакова, независимо от места их обитания — от Пойн-Барроу на Аляске до Огненной Земли. По его мнению это вызвано результатом относительно недавнего происхождения америндов (американских индейцев) от их предков в Сибири — около 12 тысяч лет назад. Естественный отбор ещё не успел привести к накоплению генов, регулирующих количество меланина у индейцев из племени шванта или навахо. Кроме того, указывает Левонтин, «обстоятельства всегда очень комплексны. Тропическая Африка является родиной и пигмеев, и ватутси — то есть и самых низкорослых и самых высоких людей в мире». Адаптационной теории противоречат некоторые формы альбинократии, культивирующие белый расовый признак в ракурсе социальной дифференциации. Примером может служить «султаническая раса» узбеков. Здесь проявлен монголоидный тип с генетической арийской связью (светлые кожные покровы, не чёрные, а тёмно-русые волосы, иная антропометрия скелета). Данный расовый подтип демонстрирует

наиболее высокие показатели коэффициента IQ, генный морфологический приоритет, чем обуславливает своё элитарное положение в узбекском обществе, включая советское. Мезоморфная байская подраса узбеков и по сей день не претендует на высокие должностные позиции в государстве, занимая свое место в социальной иерархии. Низший подрасовый тип узбеков — декхане — тоже доказывает, что расовый признак — не столько адаптационный, сколько социальный. Брахицефальность декхан сформирована не «пищевым компонентом», как пытались представить дело марксисты, а жёсткой подстилкой под головой грудничковых младенцев, создающей плоские затылки у детей бедных слоев населения. Не вызывает сомнения, что адаптационный фактор играет важную роль в биоконструировании видов. Однако раса — явление не просто видовое. Раса связана с исторической множественностью признаков. Поэтому адаптация особи к окружающим условиям не способна повлиять на расовый признак в целом. Расовая концепция выдвигает как базовый не принцип адаптивности, а принцип чистоты. «Благородная», «чистая» индивидуальность есть форма отражения расовой коллективности. Чистота, в отличие от адаптационности — более высокая формация единства. Она характеризуется потенциалом генной устойчивости вида, преодолевшего колебательную лабильность фактора выживания. Скифы на протяжении примерно тысячи лет представлявшие глобальную этносистему сохраняли устойчивость архитипической матрицы двух великих арийских культур Поволжья — ямной и срубной. Скифская этносистема сложилась и развивалась на территории протяжённостью свыше 7000 километров. По мнению академика Б.Б.Пиотровского, «археологи постепенно выявили общность многих элементов культуры от Дуная на западе и вплоть до Великой китайской стены на востоке, на широкой полосе степей, предгорий и горных пастбищ, между сороковой и пятидесятой параллелями». Этот культурно-исторический массив не был объединен общим государственным образованием и существовал как пространство обычая, биологически опосредованного нрава и этно-клановых отношений. Исторический отбор, трансформировавший скифов в славянскую типологическую модель, практически не изменил формы наследуемых признаков у людей, населявших территорию Восточной, Юго— и Северо-Восточной Европы. Однако эта трансформация лишила наше этногенное пространство азиатского региона. Да и поволжский этногенез происходит под влиянием пришлых монголоидных групп. Поэтому расовая трансформация наших древних предков ставит перед нами вопрос об исторической трансформации, которая решает вопрос, быть или не быть европеоидной расе и «белым культурам» будущего.

Список литературы

1. Абаев В.И. Скифо-европейские изголосы. — М., 1965.
2. Аугуста И., Буриан З. Жизнь древнего человека. — Прага, I960.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. — М., 1983.
4. Граков Б.Н. Скифы. — М., 1971.
5. Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов. — М., I960.
6. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. — М., 1970.
7. Грушко Ю.В. Пространство и вариабельность некоторых показателей гомеостаза. — Л., 1983.
8. Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. — М., 1993.
9. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. — Киев, 1990.
10. Хронобиология и хрономедицина // под ред. Комарова Ф.И. — М., 1989.
11. Tot Prideaux Cro-Magnon Man. — Nederland, 1975.